

Надо сказать, что почтительный восторг, окутывающий легендарные имена деятелей мирового театра, страшно мешают разглядеть реального, живого человека, пусть даже и гения.

Ты или растворяешься в ослепляющей экзальтации и паришь в облаках коллективной фантазии, или азартно пытаешься разрушить пьестет, раздражающий все органы чувств разом. И кажется, нет задачи увлекательней, чем тыкать в "голых королей", крича о своей находке с детским безответственным восторгом. И то, и другое занятие совсем не плодотворно, если действительно хотеть разгадать чужую индивидуальность и получить удовольствие от собственного открытия.

Питер Брук, кажется, сделал все от него зависящее, чтобы облегчить душевные усилия театралов, вознамерившихся с ним познакомиться. Он открылся перед нами столь безыскусно, что многие ему не поверили. Усмотрев тут тайный умысел или явный промах. Создание Международного центра театральных исследований, умная книга, непрестанно цитируемая, слухи о наиболее шумных постановках убеждали, что интерес к разнообразию сценической формы режиссеру не чужд, и новейшая мифология бестрепетно отвела ему роль вечного экспериментатора. Нехитрое воображение представило сектанта, фанатика, шамана, одержимого миссионерскими идеями переустройства театра, а заодно и жизни. Забавно, что Брук совсем не таков. Ладная фигурка, беленький пушок над лысиной, легкая улыбка и редкое для гениев и шаманов внимание к собеседнику. Одним из таких собеседников оказался Сэмюэль Беккет.

Предупреждая наше впечатление, везде, где только можно, — на пресс-конференции, в фестивальном буклете, в про-

Несмотря ни на что

Марина ЗАЙОНЦ

граммке к спектаклю, — режиссер не устает повторять, что его интересовал только драматург. Он следовал авторской партии как послушный дирижер, не более. Известно, что одни и те же ноты в разных руках звучат по-разному, и профессия дирижера-интерпретатора — по-прежнему почетна. Другие интерпретаторы беккетовской партитуры упрекают Брука в отсутствии юмора, сарказма, мюзик-холльной лихости, гротеска наконец. Честно говоря, упреки справедливы. Дерзко смешанные краски помогли бы разнообразить первый акт, и спектакль стал бы более зрелищным. Только вот никак не получается предположить, что сам Брук до этого не додумался. Гротеск лежал на поверхности,

а он им не воспользовался. Отчего? Искать ответ интересно необычайно. Может быть, именно оттого, что на поверхности: стоит ли брать? Но скорее всего, добровольно отданная театральность мешала высказыванию. Бывают в жизни художников минуты, когда совершенно еретически хочется отбросить старые эффекты и только что придуманные трюки ради простого лирического высказывания. Бунтующего, желчно-иронического выверта, любезного страдающему сердцу российского интеллигента, нет в спектакле "О, дивные дни" не только потому, что его якобы нет во французском варианте пьесы (как утверждает Брук, более поэтичным и нежным, чем вариант английский), но и

потому, что его нет — так кажется — в самом Бруке.

Маленький скромный спектакль не демонстрирует новые (или блестяще освоенные старые) режиссерские средства, не поражает мощью актерского исполнения, он всего лишь отражает взаимоотношения человека с жизнью, взаимоотношения столь высокие и благородные, что юмор (почти невозможный случай), пожалуй что, кажется неуместным. Режиссер взял в руки легчайшую из кистей и показал что-то вроде рисунка на стекле. Прозрачный фон, непрерывная линия, беглый, контурный почерк. Человек вступил в пространство бытия, совсем непригодное для счастливой жизни, вступил без каких-либо гарантий, воору-

жившись одной лишь надеждой. Он не знает, слава или поражение ждет его в конце пути, однако он идет, чтобы **быть**. И любое движение выглядит как тихий, но все же и героический акт противостояния. Каждый жест — пустяковый и нелепый — это жест красоты, всегда теснотой, всегда на грани исчезновения.

Наташа Парри — не великая актриса, но то, что она жена Брука, в данном случае важнее актерского совершенства. Они не просто соратники — эти два немолодых человека, они одинаково чувствуют, и их совместность, честное слово, трогает до слез. Наташа Парри — хорошая актриса, и этого достаточно, чтобы сыграть так точно и так деликатно. Всегда чуть-чуть в стороне от своей Винни, она приоткрывает глубины человеческого естества, не затемненные ни маской, ни характером. Радость и грусть, сцепившиеся друг с другом окончаниями, — две робкие, подвижные краски, которыми она пользуется. Можно упрекнуть в монотонности, а можно поразиться кротости, с какой равно воспринимаются пустяк и несчастье. В этой стесняющейся, беспомощной кротости та мера эксцентрики, которая прячется в людях, не умеющих предъявлять счета небесам. При том Брук чужд всякой назидательности и авторитарно-учительского тона. Он просто показывает — это есть.

Наверное, искусство нуждается в резких столкновениях, парадоксальных и экстравагантных сочетаниях. Жизнь извечно, вопреки всем войнам, революциям и перестройкам, тянется к ясному свету, чистоте и покою. Бруковские "Дивные дни" — восхищенное преклонение художника перед жизнью, его почтительное смирение перед ее тайной, мужественное приятие неизбежного и склоненная голова.

● Винни — Наташа Парри.

Экран и сцена —